

В. К. Соколова

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ *

22 июня, ровно в четыре часа,
Киев бомбили. Нам объявили,
Что началась война...

Началась война! И народ, вставший на защиту Родины, запел новые суровые и мужественные военные песни. Их создавали и известные советские поэты и композиторы, и многочисленные безвестные поэты — воины и труженики тыла. Песни, частушки, стихотворения, рассказы, меткое, вовремя сказанное слово, пословица помогали жить и бороться. В произведениях народного творчества выразились гнев народа, возмущенного вероломным нападением на нашу страну, горечь разлук и утрат, особенно тяжелых в первые годы, и вместе с тем твердая уверенность в нашей конечной победе.

Фольклористы с первых же дней войны считали своим патриотическим долгом зафиксировать все, что пели и рассказывали советские люди, справедливо видя в этих произведениях выражение народных мыслей и чувств¹. Об ответственности и задачах фольклористов в это время хорошо сказал М. К. Азадовский в предисловии к сборнику «Фронтовой фольклор»: «В дни Великой Отечественной войны работа фольклориста-собиранителя приобрела особый смысл и значение. На долю его выпала большая и ответственная задача запечатлеть голос народа, вставшего с невиданным в истории героизмом и единодушием на защиту своего отечества, учесть и осмыслить те новые факты народного творчества, которые возникали под влиянием грозных и величественных дней войны»².

Работа фольклористов в первые военные годы проходила в очень трудных условиях. Ленинградцы и во время блокады вели записи фольклора, издавали труды и сборники, выступали с лекциями и беседами перед бойцами и трудящимися; Н. П. Колпакова выезжала с бригадами писателей на фронт. Во время блокады, не прекращая работы до последних своих дней, погибли крупные ученые Н. П. Андреев и А. И. Никифоров, музыковед-фольклорист З. В. Эвальд. Молодые фольклористы, только что вступившие на научное поприще, ушли на фронт и там вели наблюдения и записи³. Широко развернули собирательскую рабо-

* Статья посвящена работе фольклористов Института этнографии АН СССР в годы войны и в первые послевоенные годы.

¹ См. А. Д. Соимонов, Собрание и изучение русского фольклора периода Великой Отечественной войны», в кн. «Русский фольклор Великой Отечественной войны», М.-Л., 1964.

² «Фронтовой фольклор» (Запись, вступительная статья и комментарии В. Ю. Крупианской), М., 1944.

³ Об их работе см.: М. К. Азадовский, Письма молодых фольклористов, «Новая Сибирь. Альманах», кн. 15, Иркутск, 1945.

ту москвичи: Государственный литературный музей (В. Ю. Крупянская, С. И. Минц) и Всесоюзный дом народного творчества им. Н. К. Крупской (А. К. Мореева, Н. Д. Комовская). Была организована сеть корреспондентов, проводились всесоюзные конкурсы собирателей. Какое большое значение придавалось собиранию фольклора, видно хотя бы из того, что Комитет по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР и Наркомпрос РСФСР организовали в 1944 г. фольклорную экспедицию в Сталинградскую область, в места героической борьбы советских войск; руководила ею В. Ю. Крупянская. Лучшие фольклорные произведения публиковались, а в 1944 г. вышел первый научный сборник — упоминавшийся уже «Фронтовой фольклор».

Наряду с собирательской в годы войны стала разворачиваться и исследовательская работа. Уже в 1943 г. были проведены два научных совещания по проблемам фольклора Великой Отечественной войны: в Иркутске — организованное по инициативе М. К. Азадовского, и затем, более широкое — в Москве, организованное Всесоюзным домом народного творчества. На совещаниях ставились вопросы о специфике фольклора военных лет, его видов и форм, приемов и методов его собирания и изучения⁴.

В конце 1944 г. в Институте этнографии АН СССР был создан сектор фольклора во главе с П. Г. Богатыревым. Основной задачей сектора было собирание и изучение фольклора Великой Отечественной войны; непосредственно этой работой руководила В. Ю. Крупянская. По существу, сектор стал всесоюзным научным центром, объединявшим изучение и собирание военного фольклора⁵. В результате собирательской работы сектора фольклора был создан значительный архив⁶. Наиболее интересное его часть представляют записи самих фронтовиков.

В середине 1945 г. Институт этнографии при содействии Главного политического управления Вооруженных сил Советского Союза опубликовал в «Красной звезде» и в газетах, выходивших в воинских подразделениях, обращение-инструкцию к бойцам и офицерам с просьбой присылать записи фронтового фольклора и свои произведения. Обращение нашло горячий отклик. Фронтовики отвечали сразу же, только прочитав обращение. Некоторые письма так и начинаются: «Вчера (или даже сегодня) — прочитал в нашей газете ваше обращение...» (называются разные газеты: «Красная звезда», «Красный боец», «Красный сокол», «За Родину», «На защиту Родины», «Знамя победы», «Часовой Севера» и др.)⁷. Институтом было получено около 350 писем, в которых содержатся приблизительно 1500 песен и стихотворений и свыше 500 произведений других жанров. В целом это волнующая летопись героических военных лет.

Писали солдаты и офицеры. Они сообщали, какие песни и почему особенно любили в их частях. Приводилось много вариантов популярных во время войны песен: «Огонек», «Землянка» и ответы на нее, «Тучи над городом встали», «Я встретил его близ Одессы родной», «Письмо любимой», разнообразные варианты «Катюши» и многие другие. На основе писем можно судить, насколько широко была распространена та

⁴ См.: М. К. Азадовский, Совещание фольклористов и сказителей Сибири (21—25 марта 1943), «Новая Сибирь. Литературно-художественный альманах», кн. 14, Иркутск, 1943; «Русский патристический фольклор. Материалы научно-творческого совещания. Великая Отечественная война в устном народном творчестве», М., 1945.

⁵ См. Б. Гершкович, В. Крупянская, Работа сектора фольклора Института этнографии АН СССР по изучению фольклора Великой Отечественной войны. 1945—1947, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. VIII, 1949.

⁶ О содержании архива см.: С. И. Дмитриева, Материалы по фольклору Великой Отечественной войны, хранящиеся в архиве Института этнографии АН СССР, в кн.: «Русский фольклор Великой Отечественной войны».

⁷ В подборе материала из писем фронтовиков большую помощь мне оказал сотрудник архива Г. З. Бахчиев.

или другая песня; иногда удавалось установить неизвестного ранее автора, выяснить обстоятельства, при которых песня была сложена. Приводимые сведения помогают воссоздать историю песен. Они показывают, в каком виде песни бытовали, как изменялись применительно к обстановке. Часто в них менялись географические названия, вставлялись те пункты, за которые вела бои данная часть; в таком виде песня воспринималась как память о пройденном пути. Добавлялись новые куплеты о запоминавшихся боевых эпизодах, о героических подвигах солдат и командиров подразделения, увековечивались их имена. Так, например, В. С. Зотов пишет, что в песню «Наш тост» был вставлен один куплет: «...в нашей части она поется как память о нашем командире части Затылкине и начальнике штаба Битковском, которые отличились в боях и их все люди нашей части очень любили» (приводится соответствующий куплет)⁸.

Интересно, что порою общераспространенные песни литературного происхождения воспринимались как сочиненные на том участке фронта, в той части, где служил автор письма. Например, о песне «Из далекого Карельского фронта» Г. В. Иоффе пишет: «Посылаю вам песню, сложенную на Кандалакшском участке Карельского фронта. Кем она сложена и когда, я не знаю» (д. 64, л. 125). Между тем известен ряд вариантов этой песни, причем название фронта в них соответственно менялось. Песни, близкие им по содержанию и настроению, воины воспринимали как свои.

Корреспонденты сообщили много стихотворений и песен, сочиненных ими самими или их товарищами. При этом они иногда писали, что побудило их взяться за перо и какие требования они сами и их слушатели и читатели предъявляли к подобным произведениям. Очень хорошо написал об этом С. Б. Вальх, приславший свои стихотворения: «Они (стихотворения) не претендуют на художественность и законченность, так как писались в обстановке, не благоприятствующей этому, с одной стороны, и возможно, потому, что у автора не было необходимых качеств для этого. Но не это было целью автора. Стихи должны отображать мысли, надежды и настроение солдата, прошедшего долгий и тяжелый путь от Днепра до Сталинграда; солдата, закончившего свой боевой путь в Чехословакии и вернувшегося с победой в родную страну. Они фиксировали то, что хотелось бы помнить участнику войны...» (д. 60, л. 1) «Любовь к нашей Родине, любовь к нашему народу, ненависть и презрение к врагу мирового человечества — вот что именно стало сюжетом моих первых фронтовых стихотворений» (д. 60, л. 23) — читаем в одном из писем (подпись неразборчива). «Я не поэт, но будучи на фронте, писал стихи, — стихи о фронтовой жизни, о родине, о девушках и т. д. Быть может, они слабы, но писаны так, как было» (д. 59, л. 42) (из письма старшего лейтенанта Г. В. Вяткина). Эти и им подобные высказывания показывают, какую роль выполняло в армии поэтическое слово и какие идейные требования к нему предъявлялись. Меткое слово, песня, стихотворение, рассказ во фронтовых условиях выполняли боевую функцию и, говоря словами В. В. Маяковского, порою приравнивались к штыку. Не случайно И. Ф. Ефременко писал от имени группы бойцов: «Горя желанием разбить ненавистного врага, желавшего поработить великий народ и убить наше творчество, погасить нашу культуру, наш народ отвечал на это оружием и словом, которого не выдумать, хоть проглоти перо» (д. 60, л. 31).

Из приведенных примеров ясно, каково было содержание творчества фронтовиков, какие темы и образы их волновали. В их произведениях выражалось стремление поскорее разгромить фашистов и вер-

⁸ Архив Ин-та этнографии, АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 65, л. 104. Далее при публикации архивных материалов в тексте указываются в скобках номер дела и лист.

нуться с победой, в которой они не сомневались даже в самые тяжелые дни, домой к родным. При этом, как говорит А. Я. Правдин, приславший стихотворение «Встреча», написанное уже после демобилизации, семья воспринималась «не только как каждому любимая, но и как представитель нашей Родины, наших русских земель и родных мест» (д. 66, л. 73 об.). Все эти чувства и переживания объединялись в одном всеобъемлющем образе — Родины-матери.

О, Родина! Как ты прекрасна
В величии гордом своем!
И мы вдалеке от тебя ежечасно
С волнением и радостью песни поем (д. 61, л. 40 об.) —

писал В. Е. Тимофеев летом 1945 г., находясь в Германии, в Циммельсдорфе.

Нередко в стихотворениях и песнях рассказывалось об определенных лицах и конкретных случаях, поэтому они могут быть использованы как документы. Так, Н. А. Евдокимов, присылая стихотворение «На смерть Мореевой», написанное 24 октября 1943 г., пишет: «Я хотел изобразить образ девушки-бойца, погибшей смертью храбрых в дни жарких боев летом 1943 г. на Курской дуге» (д. 63, л. 1).

Советские воины с негодованием говорили о злодеяниях фашистов на нашей земле, об их издевательствах над советскими людьми, свидетелями которых они были или о которых слышали. Так, артиллерист Б. П. Буланов, услышав в 1943 г. в Старобельске рассказ о массовой расправе фашистов с населением, написал тут же у братской могилы:

Старобельск. За ним овраг,
А в овраге расцветший шалфей,
В том овраге замучил враг
Больше ста наших славных людей...

Но придет время,— заявил автор,— «за них будешь платить головой» (д. 61, л. 69 об и 70). Сюжетом большого стихотворения С. Б. Вальха «Слепая» послужил рассказ девушки, которая была угнана в фашистскую Германию и там злодейски ослеплена:

Я слышал страшный сей рассказ
На Харьковщине на привале... (д. 60, л. 2).

В письмах показана также обстановка, в которой создавались и исполнялись песни и рассказы: «В дни затишья собирались у костра и каждый выливал свои чувства. Вспоминали только что прошедший бой, ждали почту, получив читали... Тогда написал я стихи и назвал „Костер“»

У костра, вновь сжимаясь плотнее в кольцо,
Вспоминаем мы прошлую зиму...» (д. 63, л. 66 об. и 67)

— писал сержант-артиллерист В. Круглов.

П. Н. Чистяков рассказал, какое впечатление произвела исполненная в 1944 г. на вечере в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции сатирическая песня о гитлеровцах, сочиненная молодым ефрейтором Паюсовым на мотив старой студенческой песни «От зари до зари». «Наконец из глубины сцены донесся мотив старой русской песни и хор грянул:

Фрицев бить не мудрено,
Это право нам дано...
— Постараемся!

Шум постепенно нарастал, как и сама песня. А когда закончилась зал грянул и все содрогалось от аплодисментов..., автора вызывали и качали» (д. 63, л. 109).

Останавливаться более подробно на содержании этой части Архива Института этнографии здесь нет возможности. Но и сказанного достаточно, чтобы понять, какие ценные материалы не только для фольклористов, но и для историков Великой Отечественной войны содержат письма фронтовиков и их поэтическое творчество. Частично этот материал был использован в сборнике В. Ю. Крупянской и С. И. Минц⁹. (При составлении комментариев к песням опубликованы и некоторые варианты.) В целом же этот архив еще ждет своего изучения, а лучшие произведения — публикации.

Осенью 1945 г. Сектором фольклора Института этнографии совместно с Кафедрой фольклора МГУ под руководством П. Г. Богатырева и В. Ю. Крупянской была проведена экспедиция в Брянскую область¹⁰. Перед экспедицией была поставлена новая задача — изучение партизанского фольклора. Экспедиция должна была выяснить его формы и условия бытования у населения, жившего на временно оккупированной фашистами территории. Брянская область представляла в этом отношении особый интерес. Экспедиция работала в районах наиболее активных партизанских действий: Брянском, Дятьковском, Новозыбковском, Почепском, Унечском, Жуковском и Клетнянском. Несмотря на все ужасы оккупации, население этих мест не прекращало борьбу. Достаточно сказать, что в Дятьковском районе в рабочем поселке Бытошь и окрестных селах во время оккупации в течение 9 месяцев сохранялась советская власть.

Опрос населения, связанного в годы войны с партизанами, дал возможность довольно отчетливо представить состояние и роль народного творчества в партизанском крае. Было записано около 300 партизанских песен, много партизанских частушек (всего же было собрано более 2500 частушек), рассказов, преданий. Участники экспедиции собирали также традиционный фольклор, записывали старинные народные обычаи и обряды, сохранявшиеся еще в Брянской области. В условиях оккупации традиционный фольклор также выполнял патриотическую функцию: он воспринимался как свое, родное, и усиливал ненависть к фашистам, стремившимся искоренить все русское.

В сельских местностях традиционный фольклор оказывал влияние на создававшиеся новые произведения и сам изменялся под воздействием текущих событий. Так, среди молодежи особенно были распространены в тот период частушки. Девушки пели старые частушки о любви, о милом, но в них появились новые образы и мотивы. Милый теперь либо далеко в армии «проливает кровь горячую за родину свою»: это летчик, лейтенант, майор и пр., либо он партизан, а девушка помогает ему или сражается вместе с ним:

А мой милый партизан,
А я партизаночка,
На задание ходила
Боевая парочка¹¹

⁹ В. Ю. Крупянская, С. И. Минц, Материалы по истории песни Великой Отечественной войны, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XIX, М., 1953.

¹⁰ Об этом же см.: В. Ю. Крупянская, Брянская фольклорная экспедиция (6 августа — 13 сентября 1945 г.), «КСИЭ», вып. II, 1947. Н. Бялосинская опубликовала интересные записи из дневника, который она, тогда студентка филологического факультета МГУ, вела во время этой экспедиции. См.: Н. Бялосинская, О чем шумели Брянские леса, в кн. «Русский фольклор Великой Отечественной войны».

¹¹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, «Материалы Брянской экспедиции 1945 г.», л. 34. Далее в тексте указываются название экспедиции и лист.

Много частушек было сложено о боевых действиях партизан, их командирах, особенно о начальнике Жуковского отряда Мальцеве. В сатирических частушках метко и зло высмеивались Гитлер и фашисты. Особую ненависть вызывали полицаи, продавшие Родину «за пачку сигарет», «за 15 сигарет» и т. п.

Частушки распространялись устно и письменно. В. Ю. Крупянская привела в своем отчете любопытный факт: один поэт из Бытоши записал на бересте сочиненные им частушки о полициях; они были переданы в Бытошь и там распевались.

В 1945 г., сразу после окончания войны, хорошо помнили и пели партизанские песни: «Шумел сурово брянский лес»; «Глухими брянскими лесами»; «На опушке леса старый дуб стоит»; «В чистом поле, поле под ракушкой»; варианты «Катюши» и многие другие. Пели и партизанские песни других областей, например о прославленном белорусском партизане Заслонове.

В памяти населения еще были живы ужасы, пережитые во время оккупации, и экспедиция записала страшные рассказы о зверствах фашистов. Таков, например, рассказ о трагедии на мельнице в Жуковке. Мальцев давал на мельницу списки для раздачи муки нуждавшимся, в том числе и партизанам. Кто-то донес об этом оккупантам. «Выехал карательный отряд, оцепили сразу мельницу и давай их (приехавших на мельницу.— В. С.) пытать: „Кто здесь партизаны?“ Загнал этот народ весь, 12 человек, загнал их в сторожку, метров пять от мельницы. Их там били, пытали, спрашивали их, где партизаны. Потом облили керосином со всех сторон и подожгли со всех четырех сторон. Сторожку заперли» (Брянская экспед., л. 143). Есть еще ряд рассказов о том, как фашисты и полицаи выпрашивали о партизанах, и, не получив ответа, мучили и убивали народ.

Наряду с рассказами-воспоминаниями, встречались произведения, которые переходили уже в предания и легенды; в них устойчивые сюжеты, используются общие мотивы и пр. Таковы некоторые рассказы о Мальцеве, например, о том, как он пришел в баню в немецкой форме, мылся с немецкими офицерами, а потом написал: «Осторожнее, господа офицеры, с вами помылся комиссар Мальцев». Или рассказ «Как свадьбу играл»: Мальцев выехал с партизанами из окружения под видом свадьбы, на украшенных лошадях, сам он изображал жениха, а немцы, наблюдавшие это кричали: «Гут, гут». (Брянская эксп., л. 135). Эти же сюжеты были прикреплены к Заслонову — «дяде Косте». Очень популярны были рассказы о «свадьбах» ковпаковских партизан¹².

Материалы Брянской экспедиции дали достаточно полное представление о содержании и жанрах русского партизанского фольклора, показали его близость с белорусским партизанским фольклором, создававшимся и бытовавшим в сходной обстановке. На основании их были поставлены такие существенные проблемы, как роль традиционного фольклора в условиях оккупации, взаимодействие традиции и нового творчества, развитие партизанского фольклора.

Собирание фольклора Великой Отечественной войны было одной из задач и последующих фольклорных экспедиций. Так, Закарпатская экспедиция 1946 г., руководимая П. Г. Богатыревым, записала значительное число коломыек, связанных с войной.

В 1948 г. фольклорная экспедиция Института этнографии, в которой также принимали участие сотрудник музыкального кабинета Московской Государственной консерватории и студенты Московского Государст-

¹² Белорусские предания о Заслонове и Ковпаке записывал вместе с белорусскими фольклористами Л. Г. Бараг, бывший тогда докторантом Института этнографии. См.: Л. Г. Бараг, М. С. Меерович, Белорусские народные предания и сказки-легенды о Заслонове и Ковпаке, «Сов. этнография», 1948, № 2.

венного университета, работала в Подтелковском и Ново-Анненском районах Сталинградской области¹³. Одна из задач — проследить судьбы военного фольклора в послевоенный период. Выяснилось, что песни военных лет еще помнят и поют, причем с минувшей войной связывали и некоторые старые казачьи военные песни. Наиболее же популярны здесь были песни о Сталинграде. Участники экспедиции выявили существенные различия в репертуаре песен периода Великой Отечественной войны у молодежи и у пожилых казаков. Молодежь пела общие для всего советского народа песни (в основном литературного происхождения). В репертуаре пожилых казаков значительное место занимали старые казачьи песни, иногда переработанные. От них экспедиция записала интересную переработку старинной песни «То два сокола, и орел он крылатый», в которой образ традиционного врага-насильника, похвалившегося завоевать всю Россию, заменен Гитлером. Эта песня опубликована в сборнике В. Ю. Крупянской и С. И. Минц (№ 18). Удалось установить, что в распространении песен Великой Отечественной войны большая роль принадлежит бывшим фронтовикам.

В декабре 1947 г. Институт этнографии провел Всесоюзное совещание по вопросам собирания, изучения и издания фольклора Великой Отечественной войны¹⁴. В его работе приняли участие фольклористы почти всех союзных и автономных республик и многих областей РСФСР.

Говоря о задачах совещания, П. Г. Богатырев подчеркнул, что фольклор Великой Отечественной войны создавался в тесном содружестве всеми народами Советского Союза и чтобы глубоко понять процессы его создания и развития необходимо сравнительное изучение фольклора народов СССР. Он указал также на важность привлечения антифашистского фольклора зарубежных славянских народов. Основные задачи дальнейшего изучения фольклора Великой Отечественной войны были намечены в докладе В. Ю. Крупянской.

Доклады и выступления фольклористов из разных республик и областей показали богатство и разнообразие фольклора Великой Отечественной войны у советских народов. В то же время они отчетливо продемонстрировали, что сделано еще далеко не все и военный фольклор пока еще не только не исследован обстоятельно, но и собран далеко неполно и неравномерно. В ряде докладов характеризовались виды и жанры военного фольклора, преимущественно песенного. Фольклористы — участники войны поделились своими наблюдениями над жизнью фольклора на фронте. Рассматривались и методические вопросы: принципы отбора материала для издания и принципы его публикации.

Острые дискуссии, развернувшиеся по отдельным докладам, показали, что поставленные на совещании проблемы были весьма актуальны и что решены они могут быть только совместными усилиями всех советских фольклористов.

Совещание явилось этапом в изучении фольклора Великой Отечественной войны. Оно подвело итоги работы, проделанной в послевоенный период, и во многом определило направление дальнейших исследований. Выполняя решение совещания, Институт этнографии издал и разослал на места методическое пособие по собиранию фольклора Великой Отечественной войны, составленное В. Ю. Крупянской¹⁵ на основе ее доклада на Всесоюзном совещании.

¹³ О ней см.: В. Ю. Крупянская, Л. А. Старцева, Фольклор колхозной стаицы, «Сов. этнография», 1949, № 3.

¹⁴ Подробнее о нем см.: Б. Гершкович, В. Крупянская, В. Соколова, Совещание по вопросам собирания, изучения и издания фольклора Великой Отечественной войны, «Сов. этнография», 1948, № 2.

¹⁵ В. Ю. Крупянская, Фольклор Великой Отечественной войны (задачи и методы собирания), М.-Л., 1949.

Своего рода итоговой работой по изучению русских песен Великой Отечественной войны явился и упоминавшийся выше сборник В. Ю. Крупянской и С. И. Минц. Цель его — дать образцы того, что пели в военные годы в армии, в партизанских отрядах и в тылу. «Мы избрали объектом нашего исследования песню, — писали авторы во «Введении», — этого неизменного спутника советского бойца в грозные годы войны, так как песня полнее, чем какой-либо другой жанр, запечатлела героические дела в дни войны»¹⁶. Сборник был составлен на основе материалов научных архивов Института этнографии и Государственного литературного музея. Наряду с произведениями народного творчества в нем помещены произведения армейской и партизанской самодеятельности и песни советских поэтов и композиторов, прочно вошедшие в устно-поэтический репертуар. К каждой песне даны обстоятельные комментарии, в которых, насколько это позволяли имевшиеся данные, приводятся сведения об авторе, обстоятельствах, при которых песня была создана и условиях ее бытования, выясняется ее история, опубликованы варианты или даются ссылки на них. Сборник явился образцом научного издания песен Великой Отечественной войны, во многих отношениях непревзойденным и до сих пор.

Настоящая статья не дает сколько-нибудь полного представления о работе советских ученых по фольклору Великой Отечественной войны. Ее цель — напомнить о народной летописи войны, о ценных материалах, имеющихся в архивах, и о работе по собиранию, изучению и изданию фольклора военных лет, проведенной в Институте этнографии в послевоенные годы. Работа эта, как можно видеть, велась в сотрудничестве и контакте с фольклористами других учреждений, что дало возможность добиться известных успехов. Все это лишь небольшая часть огромной работы, которая велась и ведется фольклористами всего Советского Союза. В частности, по русскому фольклору очень большую работу провели фольклористы Пушкинского Дома АН СССР, выпустившие в 1964 г. уже упоминавшийся выше обобщающий труд «Русский фольклор Великой Отечественной войны». Сектор фольклора Института этнографии АН СССР внес в общую работу свою посильную лепту, а в некоторых случаях выступал ее инициатором и организатором.

TOWARDS THE HISTORY OF THE STUDY OF FOLKLORE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article offers a survey of the activities of the Institute of Ethnography Folklore Sector in collecting and studying the folklore of the 1941—1945 Great Patriotic War. The Sector was formed late in 1944 and headed by the late Professor P. G. Bogatyrev; the collection of war folklore was carried out under the immediate guidance of V. Yu. Krupianskaya.

In mid-1945 the Institute of Ethnography appealed to soldiers and officers through Army newspapers to send in songs that were being sung in the Army, as well as their own compositions. As many as 1500 songs and verses were received in answer. In their totality they form a stirring chronicle of the events of the War; they are the most valuable item of the Institute's folklore archives.

The article also describes the guerrilla folklore collected in 1945 by an expedition of the Institute in Bryansk Region as well as materials on war-time folklore recorded by other expeditions.

An All-Union conference on problems of collecting, studying, and publishing the folklore of the Great Patriotic War was convened by the Institute in 1947; this conference is particularly dwelt upon in the article. A description is given of a collection by V. Yu. Krupianskaya and S. I. Mints, «Materials for the history of song in the Great Patriotic War» (1953); here the material on Russian war-time songs from the archives of the Institute of Ethnography and of the State Museum of Literature is summarized.

¹⁶ В. Ю. Крупянская, С. И. Минц, Указ. раб., стр. 7.